

КРОКОДИЛ

№ II (1661)

ГОД ИЗДАНИЯ 40-й

20 АПРЕЛЯ 1962

У нас есть и такие «штатные добровольцы», которые могут быстро «откликнуться» на призывы партии, получать подъемные, а потом на те же подъемные возвращаться обратно и ждать следующего призыва.

(Из заключительного слова Н. С. ХРУЩЕВА на мартовском Пленуме ЦК КПСС).

АТТРАКЦИОН
«ШТАТНЫЙ ДОБРОВОЛЕЦ»

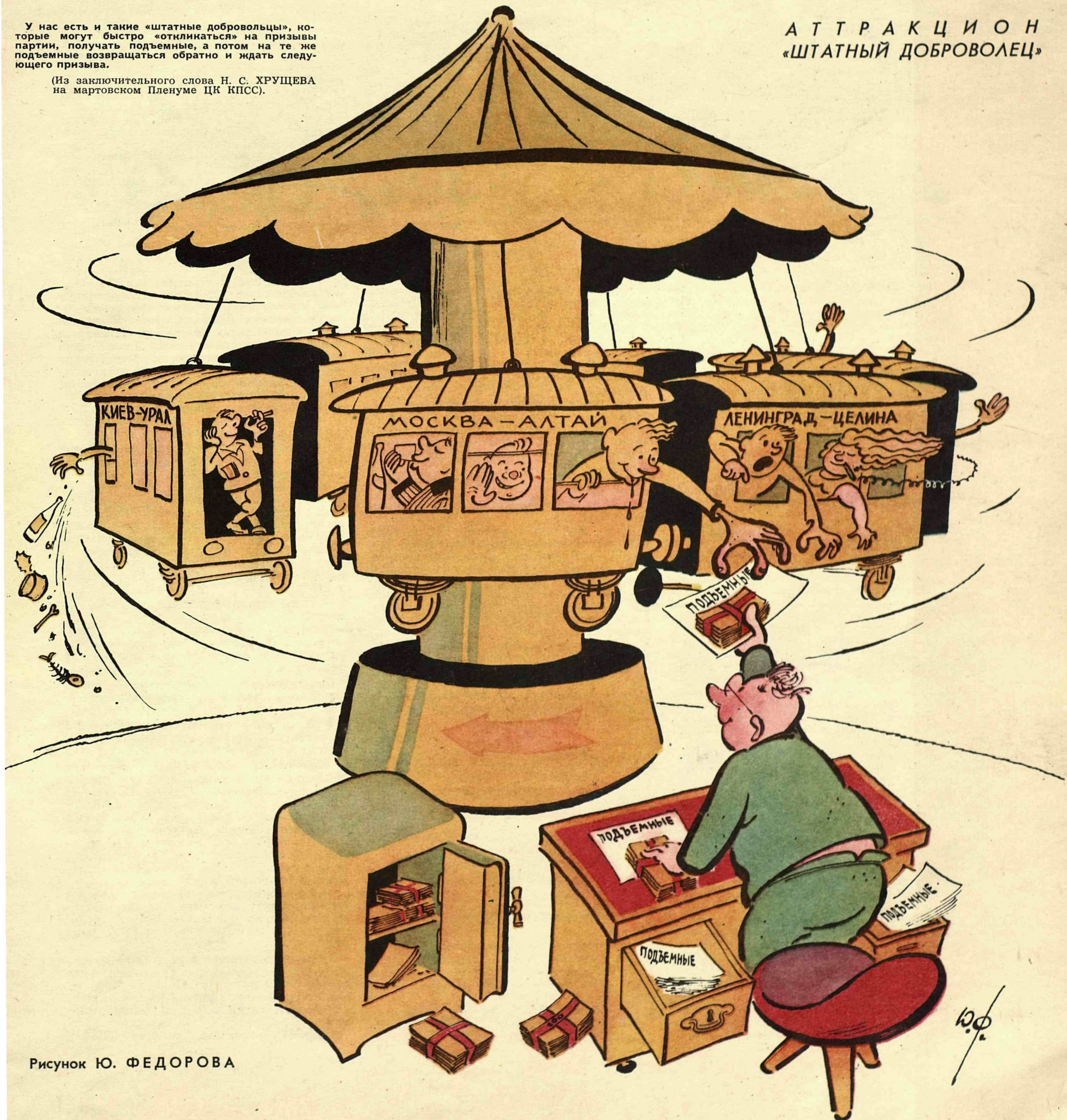

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

БЕЗУМНЫЙ ДЕНЬ В КОРОЧЕ

По райцентру Короче пронесся волнующий слух (Да-да, в той самой Короче, знаменитой своими овощеводами и садоводами): «Районной конторе связи требуется почтальон».

Слух взбудоражил молодых граждан Корочи.

В контору связи устремилась Галина Михалюкова. Но — увя! — начальника конторы уже осаждали другие молодые сограждане:

— Возьмите меня! У меня диплом с отличием...

— И у меня с отличием, но я еще и спринтер. Имею спортивный разряд. Скорее всех доставлю телеграмму.

— А я солистка хора... Во всех кинофильмах почтальоны напевают веселые песенки.

Начальника корочанской конторы связи атаковали выпускники сельскохозяйственного техникума, готовящего садоводов, овощеводов, полеводов.

Галина поняла: ей не перещеголять своих одноклассников — вокалистов и спринтеров. Но не беда, есть другой путь, обходной. И более верный.

Галина ринулась в райком комсомола к Александру Визирякину. Парень он чуткий и сообразит, как помочь горю. Визирякин действительно посочувствовал Галине, но сообразить не мог. Ибо он уже один раз сообразил... Окончив тот же техникум, Александр ненадолго задержался в колхозе в качестве агронома и перекочевал в аппарат райкома комсомола. Пусть сады, бабки разводят другие!

Визирякин печально развел руками: мол, ты, Галочка, сама должна понимать: не та ситуация, чтобы я тебя устраивал почтальоном.

Галина заметалась. Кто мог бы помочь? Куда идти? Ага! На радиоузел, к двум Викторам — Виктору Мишустину и Виктору Киданову.

— Ты что, забыла? Мы ведь тоже агрономы!.. Нам лучше молчать.

У Дома культуры Галина встретила своего одноклассника — райорганизатора печати Диму Михалюкова.

Дима ежедневно распространяет газеты, журналы, брошюры, в которых публикуются призывы и отклики специалистов, решивших вернуться на работу в сельское хозяйство. Распространять такую прессу, по мнению Димы, может только человек с агрономическим образованием.

Не успела Галя поведать товарищу свою печаль, как у Дома культуры образовалась толпа возмущенных агрономов: Римма Ми-

шустина — теперь инструктор Дома культуры, Людмила Шляхова — бухгалтер пищекомбината, Людмила Киданова и Мария Карпенко — труженицы пивного цеха, Мария Овчарова и Зинаида Карайченцева — швеи из районного ателье, работницы типографии Нонна Бронникова, Галина Матлашова, Валентина Кибина, разнорабочая Анна Воронова...

Дипломированные агрономы шумно протестовали, почему бездействует единственный очаг культуры в районном центре (в это время он был занят под курсы председателей колхозов). Протестовали страстно, громогласно:

— Нашли место, где учить председателей колхозов!

— А мы что? Кто нас будет обслуживать культурой?

Шум уже достиг высшего балла, когда раздался отрезвляющий милицейский свисток. Со свертком под мышкой, не переставая свистеть, к толпе спешил младший лейтенант милиции Валентин Погорелов. И вдруг свисток умолк. Погорелов понял: зря свистел, тут все свои... друзья-товарищи, с которыми он учился и кончал корочанский техникум.

— Я бы советовал вам, друзья, разойтись тихо, без шума и разговорчиков... Не напоминайте лучше о себе и о своей специальности. Меня самого сегодня приглашали в райком и рекомендовали выехать на работу в колхоз. Головой устроили порядочную, но обошлось. Так что...

Милицию надо слушаться. Толпа агрономов постепенно растаяла. Погорелов же после словесной бани в райкоме отправился в баню подлинную. Его, как представителя власти, пропустили бесплатно и вне всякой очереди, благо билетером в бане служит Вера Бакаева, тоже бывший агроном.

В предбаннике Погорелов разоблачился, и вдруг его чуткое ухо уловило:

— И тебя приглашали?

— И меня...

— Уговаривали?

— Еще как! А я им сказал: пускай едет младший лейтенант Погорелов. Милиция должна пример подавать...

Погорелов хотел было засвистеть, но воздержался... Пригляделся: кто это в голом виде требует от него невозможного? Ва! Опять же свои, из техникума: Егор Мишустин — инструктор ДСО «Урожай», и Станислав Чернов — инструктор ДОСААФа.

— Что это за критика в неподобающем месте? — обрушился на них младший лейтенант.

— А ты чего шумишь? В таком виде ты никто.

Погорелов ретировался в парную. Действительно, что может сделать представитель милиции, лишенный свистка и положенной формы!

Сквозь клубы пара Погорелов, к своему огорчению, снова услышал «высказывания»:

— Я им так и отрезал: стал шофером и им останусь. Работать агрономом не буду и никуда из Корочи не поеду.

Голос принадлежал шоферу Александру Масленникову. Неожиданно из угла парной раздался панический призыв: «Помогите!»

Младший лейтенант милиции, как положено, первым бросился на помощь. Угорел и потерял сознание Александр Литвинов.

— И с чего бы это? — удивлялся кто-то. — Литвинов работал агрономом в плодпитомнике, и сколько его песочили за бездеятельность — все ничего, а тут...

— В плодпитомнике-то он все время на свежем воздухе находился, а теперь работает столяром на комбинате. Воздуха меньше, вот и ослабел человек, простого пару не выдержал.

Угоревшего Литвинова надо было срочно отправить в больницу. Кому позвонить насчет машины? Да Федору Козлову, диспетчеру автохозяйства. Кто, как не Козлов, посочувствует: ведь и он бывший агроном.

Быстро примчалась машина. Шофер

Как посмотришь...

Где есть скот, но нет кормов,
Вид у стада жалкий.
Как посмотришь на коров,—
Просто телки-палки!

Законный вопрос

Егор не дал корове силос,
А подоить пришел с ведром.
Корова очень удивилась:
«Что в вымени тебе моем?!»

Андрей ВНУКОВ, Николай КНЯЗЕВ

(опять-таки бывший агроном) Виктор Дубинин доставил коллегу в больницу.

В больнице пострадавшего приняли, словно праведника у врат рая. Сбежался почти весь обслуживающий персонал: как-никак, в беду попал свой человек, однокашник. Санитарка Вера Копнинова бережно уложила Литвинова на носилки, кастелянша Лидия Скорынина принесла лучшее белье, работница кухни Раиса Гридчина помогла обрядить больного. Тут же, не зная, чем помочь, горестно вздыхали кладовщик Клавдия Ищенко, кочегар Нина Косухина и другие работники больницы, в свое время получившие дипломы специалистов сельского хозяйства.

Но вернемся к Галине. Потерпев неудачу в Короче, Михалюкова отправилась искать счастья в Белгород.

Знакомый нам шофер Виктор Дубинин, который повез Галину в областной центр, посоветовал:

— Завернем на бензоколонку к Ире Копытиной, она всех знает. Тоже наш техникум окончила. И как устроилась!.. Бензозаправщицей работает, это понимать надо...

— Привет, Ирочка! — крикнул кто-то из шоферов.

Отозвалась видная девушка в кокетливой косынке.

— Как насчет того, чтобы поехать работать в колхоз?

— Пока что морально не страдаю. Я свое назначение оправдываю. Колхозные машины заправляю вне очереди, — ответила веселая Ира.

Не повезло Галине и в Белгороде. Не те времена, не те люди... А ведь еще совсем недавно агрономов с охотой брали на работу и в Белгороде и в любом районе. В Корочанском райисполкоме, например, осело 16 агрономов, а всего в районе работают не по своей специальности или вообще ничего не делают свыше сотни агрономов — выпускников местного техникума. И в то же время только пять из пятидесяти восьми колхозных бригадиров имеют среднее агрономическое образование.

На призыв поехать в колхоз откликнулись только два агронома — выпускники корочанского техникума Людмила Ветрова и Мария Смолина. А остальные... протестуют: почему их лишили Дома культуры?

* * *

Звонки из руководящих организаций всполошили в этот «безумный день» всех агрономов-дезертиров. Больше того, выпускники школ стали сомневаться, стоит ли поступать в корочанский техникум: а вдруг заставят работать по специальности? Одна только Галина не унывала, она все еще надеялась закрепиться в Короче.

Встретив как-то у Дома культуры свою знакомую, подавшую заявление о приеме в техникум, Галина подбодрила:

— И не раздумывай, поступай!

— Я не хочу работать в колхозе.

— Кто же тебя заставит? Зато девушка с дипломом — это звучит.

— А вдруг не примут?

— Примут. Обратись прямо к директору товарищу Финоедову. Для него главное — выполнить план выпуска агрономов.

...И еще один будущий соискатель должности почтальона переступил порог Корочанского сельскохозяйственного техникума.

М. ЭДЕЛЬ,
специальный корреспондент
«Крокодила»

В. ЕВСЕЕВ,
сотрудник газеты
«Белгородская правда»

Спор

Гармошка да Околица,
Березонька да Лен
Поспорили: — Кто более
Воспет и восхвален?

Воскликнула Околица:
— Нет песен, где бы не
Болтали до бесчувствия
Поэты обо мне!

— Любый, возьмите песенник, —
Воскликнул синий Лен, —
Любый поэт в меня влюблен
И мною вдохновлен!

— А я, — кричит Березонька, —
Поставила рекорд!..
Но тут Гармошки ласковой
Послышался аккорд.

— Взгляните лучше на меня! —
Задрала нос Гармонь. —
В меня все композиторы
Вложили свой огонь!..

Случилось, что околицей
Колхозного села
Герой Труда — колхозница
С бригадою прошла.

Она сказала: — Бросьте вы
Нелепый этот спор!
Ведь обо мне, поверите ль,
Нет песен до сих пор!

Уже я заработала
Геройскую Звезду,
А песню о колхознице —
Достойную! — все жду.

Осип КОЛЫЧЕВ

ВЕСНА: — Нет, добрый молодец, под твою музыку я
больше плясать не буду.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Парикмахеров Брянска давно манила идея механизации процессов своеобразного производства красоты и опрятности.

Мы не жаждали шагающих экскаваторов, не грезили о самоходных комбайнах. Мы готовы были удовольствоваться более скромными механизмами.

И вот долгожданный день наступил. Парикмахерские Брянска обогатились 25 электрическими машинками для стрижки волос. Каждую украшала марка московского завода «Металлист».

Далее произошло нечто непостижимое. Первый же клиент, как только машинка коснулась его головы, завопил дурным голосом:

— Караул! Отдайте мне мою кожу!

Второй не довольствовался криком. Он соскочил с кресла и выбежал на улицу, унося в неизвестном направлении казенную салфетку. Третий страшно побледнел и стал бормотать:

— Гуруны! Ирокезы! Сиу!

Очевидно, он решил, что расстается со скальпом.

Нет, мы не кровожадны. Никого скальпировать не собирались и не собираемся. А поэтому забросили в дальний угол механические инквизиторы, дерущие кожу и волосы, за которые с нас содрали по 37 рублей за штуку.

При всей своей доброте мы сейчас имеем одно желание: постричь начальника отдела технического контроля завода «Металлист». Конечно, с помощью одного из приборов, выпускаемых этим заводом.

Я. РУХМАН,
заведующий парикмахерской № 9

г. Брянск.

НЕ В ОБРАЗЕ...

«Мне и рубля не накопили строчки, краснодеревщики не слали мебель на дом. И, кроме свежевывитой сорочки, скажу по совести, мне ничего не надо».

(В. Маяковский. «Во весь голос»).

Молодой актер Театра эстрады Роман Филиппов, играющий роль Маяковского в спектакле «Пришедший в завтра», осчастливил дирекцию заявлением, в котором сказано:

«Считаю необходимым, тов. директор, поставить Вас в известность, что я больше не буду играть в спектакле до тех пор, пока я не буду иметь от дирекции надежной гарантии того, что мне будут платить по две с половиной ставки за спектакль, и сделают перерасчет по прошедшим спектаклям...»

Интересно, что сказал бы Владимир Владимирович, прочитав эти строки?

Л. АЛЕКСАНДРОВА

ДВЕ ГОСТИНИЦЫ

В районном центре Старотополь

Есть две гостиницы. Одна Со скромной вывеской «Европа», Другая — с вывеской «Волна».

Мы разузнали стороною,

Что вот уже четвертый год

Между «Европой» и «Волною»

Соревнование идет.

Сказали нам, что прошлым летом

«Европу» чествовал район,

А нынче выпел райсовета

«Волне» торжественно вручен.

Вполне доверясь этим данным,

Остановились мы в «Волне».

Нам сразу дали номер с ванной

И натюрмортом на стене.

Приятно душ принять с дороги!

И вот уже один из нас

Намылил шею, уши, ноги,

И тут (о ужас!) свет погас!

К нам в тот же миг вбежал дежурный,

Поставил свечку в туалет

И мягко, вежливо, культурно

Сказал, что завтра будет свет:

— Тут поступили к нам сигналы,

Что два часа тому назад

«Волну» «Европа» обогнала

На 210 киловатт.

Чтоб ликвидировать просвет,

Мы отключить решили свет!

Впотьмах он к выходу прошлепал

И, уходя, утешил нас:

— Не бойтесь: выпела «Европе»

«Волна» без боя не отдаст!

Энтузиазм такой увидя

И трудовой такой подъем,

Мы в темноте, но не в обиде

Под душ отправились вдвоем.

Едва мочалки намочили,

Как воду в ванной отключили

(Дождались новой мы беды!),

Нам стало ясно без сигнала,

Что нас «Европа» обогнала

По экономии воды.

На душ взглянули мы в бессилье,

Из наших душ исторгся стон,

И мы, в чем были, прямо в мыле,

Писать засели фельетон.

Все, кто шагает в ногу с веком,

Мораль поймут без лишних фраз:

Идет во имя человека

Соревнование у нас.

Соревноваться глупо в бане

За экономию воды,

Смешно бороться в ресторане

За экономию еды!

Владимир КОНСТАНТИНОВ,

Борис РАЦЕР

г. Ленинград.

Взяткин воспользовался техникой

Рисунок А. КРЫЛОВА

ИНТЕРВЬЮ С КОРОЛЕМ

В Ташкенте появился король... Мне поручили встретиться с коронованной особой и получить высочайшее интервью.

До сих пор я был запанибрата лишь с двумя королями — черным и белым на шахматной доске. И вдруг — живая коронованная особа!..

Король принял меня в своей городской резиденции на Невской улице, номер 25. Снаружи дворец выглядел довольно скромно. Истинно королевская роскошь царила в самих апартаментах (см. фото).

Пока высокое лицо готовилось к выходу, я успел вдоволь насладиться королевской коллекцией хрусталя, по достоинству оценить уникальный фарфор и даже отдохнуть в кресле из настоящего красного дерева. Кроме того, я немного поболтал с хлопотавшей у газовой плиты статс-дамой Лукерьей и окапывавшим фруктовые деревья во дворе придворным Иваном.

Наконец меня пригласили в тронный зал. Стоило мне переступить порог «святой святых», и мои ноги чуть ли не по самые колени погрузились в пушистый ковер. Вдохновенная кисть искусного мастера украсила стены зала чудесными розами. Казалось, что пробуждающиеся к жизни бутончики вот-вот распустятся у меня на глазах. На лепестках дрожали алмазные капли живой росы. Под потолком, купаясь в цветах и солнечном свете, витали нежные амуры...

Король величественной походкой приблизился к тронному дивану, покрытому роскошным текинским ковром. Подобрал полы шелкового халата и изящно подогнув ноги, он торжественно опустился на шелковую подушечку.

— В моем распоряжении всего один час, — милостиво улыбнувшись, сказал король, доставая массивные золотые часы, прикованные к золотой якорной цепи.

— Да, это так, — подтвердила супруга, с трудом поднимая руку, обремененную тяжелым браслетом, чтобы взглянуть на часы.

И, как бы подтверждая сказанное, в зале раздался торжественный бой величественных, как обелиск, часов стоимостью в пятьсот рублей.

Я стал торопливо задавать вопросы.

Поначалу король был довольно скуп на слова. Потом разговорился. Наконец его прорвало.

— Мы честная трудовая семья. Мы даже члены профсоюза, — била себя в нежную грудь холеной рукой, заливался король. — Моя дочь Лиза работает на заводе. Мой сын Борис — простой рабочий. Моя жена в годы войны работала кондуктором... Сам я тружусь. Посмотрите на эти мои... мозолистые руки. Моя невестка...

— А может быть, достаточно, Рабинович? — неожиданно нарушив придворный этикет, перебил я. — Скажите лучше, во что вам обошелся ваш дворец?

Король растерянно заморгал глазами.

— Не думайте, что очень дорого, — залепетал он потускневшим голосом. — Ну, какие-нибудь... десять тысяч рублей. Не больше...

— В таком случае разрешите напомнить, — почтительно сказал я. — Двадцать шесть тысяч вы заплатили за стены. Две тысячи — искусному мастеру за художественную роспись этих стен. Четыре тысячи — за пристройку. И одну тысячу — за коммунальные удобства. Итого тридцать три тысячи!.. Разумеется, в новой валюте. Зачем же скромничать, Михаил Шаевич?!

Царственный блеск в глазах моего собеседника внезапно потух. Плечи понуро опустились. Король скис...

Гражданин Рабинович, как нетрудно заметить, питает болезненную склонность к неумеренной роскоши. Этой же слабостью страдают его коронованные собратья — Семен Михайлович Щелоков и Ахмед Юлдашев.

У Михаила Шаевича один особняк, у Щелокова их два, а у Юлдашева — три.

Михаил Шаевич трогательно любит цветы. Щелоков — поклонник техники. У него дворец с кнопочным управлением. Нажмешь кнопку — и во всем доме вспыхивают дорогие люстры. Нажмешь вторую — и включается центральное отопление. Нажмешь третью — и расположенный во дворе бассейн для купания наполняется прохладной водой.

«Короли»!.. Это, конечно, не высокий сан, а презрительная кличка, которой народ заслуженно награждал тунеядцев, людей, живущих не по средствам.

«Короли» сорят деньгами, пируют и придумывают себе дорогие забавы.

И тут сам собой возникает вопрос. Уже не новый, но естественный: из

каких источников эти люди черпают десятки тысяч рублей для своих потех и на строительство особняков?

Я задал этот вопрос скромному экспедитору ташкентской конторы «Узглавмясорыбторга» Рабиновичу, получающему в месяц 55 рублей, главному инженеру бывшей артели, ныне переименованной в фабрику резиновых изделий, Щелокову и начальнику отдела снабжения Ташкентского асфальто-битумного завода Юлдашеву, зарплата которого составляет 140 рублей в месяц.

— После смерти моей тещи, — охотно пояснил Рабинович, — мы получили наследство. И кто бы мог подумать, что у этой тихой женщины были зашиты в старом матрасе перламутровые кораллы!..

— Дом мне подарила моя старая любимая тетя, — заявил, в свою очередь, Щелоков. — Мы очень любим друг друга...

— Не буду говорить неправду, — как будто признается Юлдашев, — богатой тети у меня нет. Дяди тоже нет. Дома строил сам... На зарплату. Трудно было, конечно...

Я беседовал не только с этими тремя, но и с другими крупными ташкентскими домовладельцами. И каждый о происхождении своих тысяч рассказывал красивую легенду, увлекательную и наивную, как сказки Шехерезады.

У «королей» на все готовы ответы, припасены оправдательные документы, и они охотно вступают в жилищный кооператив «Красный коммунальник». Кооператив — это удобно. Дом стоимостью в двадцать тысяч рублей новыми деньгами оценивается кооперативом в пределах внесенного пая — полторы — две тысячи рублей. Нет, право, это очень удобно! Во-первых, дом стоит уже не двадцать тысяч, а две тысячи. Во-вторых, дом не подлежит конфискации ни при каких обстоятельствах. И, в-третьих, передав пай другому лицу, дом всегда можно продать по его рыночной стоимости — за 20 тысяч рублей.

Когда-то это было очень нужное учреждение. В «Красный коммунальник» вступили труженики. Но постепенно к нему присосались дельцы и рядом с тружениками обосновались «короли», превратившие кооператив в раскрашенную ширму.

Недавно в городе прошел слух о ликвидации этого маскировочного

учреждения. «Именитые» члены кооператива не на шутку всполошились. Срочно созвали заседание правления. Срочно поставили вопрос. И срочно приняли, правда, устное решение. Учитывая значение жилищного строительства на современном этапе и его роль в будущем, говорится в этом решении, присвоить «Красному коммунальнику» другое название — «Путь к коммунизму».

Правда, инициаторам этой затеи не повезло: общественные организации не одобрили такого решения.

— Ай-яй! — сокрушается председатель правления кооператива Азимов. — Такое хорошее название придумали. А теперь ликвидируют! Обязательно ликвидируют!..

Ликвидируют или нет, независимо от этого у нас вновь возникает вопрос. Тоже уже не новый и вполне естественный:

— А не пора ли кончать?

Год назад был принят очень хороший закон о тунеядцах. Тунеядцев заставили прекратить разработку золотых жил и отправиться рубить лес, возить камень, строить дома. Вот уже год, как они дружно выходят на работу и едят хлеб, заработанный собственными руками. Теперь уже нет сомнений, что труд в конце концов и из тунеядца создаст человека.

Закон распространялся и на тех, кто, прикрываясь работой, живет не по средствам.

Но тут дело обстоит хуже. Вряд ли можно привести хоть один пример, когда какой-нибудь владелец пыльных хором, покинув свое душное жилище, отправился бы в сосновые леса подышать чистым хвойным воздухом или собственными руками взвесить тяжесть строительного камня.

Возможно, необходимо дать дополнительные разъяснения о применении закона. Впрочем, это — дело юристов. А наше дело — только напомнить им, что, вызывая очередного «короля» на допрос в прокуратуру, не обязательно обращаться к нему со словами «Ваше величество».

Б. ДАНЕЛИЯ,
специальный корреспондент
«Крокодила».

г. Ташкент.

ИНЖЕНЕР МЕЛЬНИКОВ

И ЕГО ВТОРАЯ ПОЛОВИНА

Недавно мне рассказали любопытную историю.

Московскому инженеру Мельникову предложили большую и ответственную работу в Хабаровске. С персональным окладом, подъемными в размере трехмесячного заработка, обеспечивали бесплатный переезд.

— Я, как инженер, согласен, — сказал Мельников, — но как моя супруга, моя вторая половина?

— Что ж, посоветуйтесь с супругой!

Семь дней супруги Мельниковы держали семейный совет. А на восьмой Илья Семенович доложил:

— Моя половина будет рядом со мной всюду! Она готова на любые испытания! Она будет такой же стойкой и самоотверженной, как жены декабристов!

— Ну, тогда, как говорится, ни пуха вам, ни пера!

— Да, но переезд с супругой — это двойные расходы! Надо брать с собой... мебельный гарнитур...

— Оплатим перевоз супруги с гарнитуром, выплатим ей подъемные!

Условия были оговорены, Мельников получил деньги на перевоз супруги и гарнитура и вылетел к месту назначения. После того, как новому главному инженеру управления машиностроения Хабаровского совнархоза вручили ключи от квартиры, он послал вызов жене. Не успел еще Илья Се-

нович расставить мебельный гарнитур, Клавдия Павловна была уже тут как тут.

Семь дней супруги ворковали, как голуби. Ездили к памятнику землепроходцу Хабарову, осматривали местные «Лужники», любовались величественной красотой Амура. А на восьмой день Мельников явился в управление расстроенный, плюхнулся в кресло и трагически произнес:

— Ушла!..

— Кто?

— Жена... Уехала в Москву!..

— Не понравился Хабаровск?

— Напротив. Она представляла себе, что попадет в глушь, а увидела современный город. Клавдия Павловна хотела быть рядом со мной, понимаете, вместе со мною преодолевать трудности и лишения... А какие трудности в Хабаровске? «Гастрономы» и рестораны те же, что и в Москве!

— А как же новая квартира, гарнитур?..

— Квартира?.. Вижу, вам трудно понять Клавдию Павловну. Она предполагала, что нас поселят здесь в чуме или в фанзе! А предоставили квартиру в новом доме с мусоропроводом и газовой плитой! Такая квартира есть у нас и в Москве! И к тому же давно обжитая!..

Напрасно инженер опасался, что его супругу не поймут. Ее великолепно поняли. Не успело улететь волнение, вызванное внезапным отъездом Клавдии Павловны, как совнархозовскую общественность по-

трясло новое известие: умчалась в столицу жена начальника техотдела Барановского.

— Если бы Евгению Александровичу грозила опасность быть съеденным тиграми, — патетически воскликнула она, — я бы его ни за что не покинула! А что такое Хабаровск?! Всего каких-нибудь девять часов лету от Москвы! Никакой романтики!

И тут среди жен ответственных работников Хабаровского совнархоза началось движение, еще не получившее в летописях своего названия. Вслед за супругами инженеров Мельникова и Барановского в Москву парами и в одиночку поспешили жены других специалистов, направленных на работу из столицы: жены заместителей председателя совнархоза, начальников управлений, главных и старших инженеров. Не двинулась с места лишь жена начальника финансового отдела. Потому только, что вообще не выезжала из Москвы.

Оставшиеся без жен инженеры малопомалу стали терять столичный лоск. Опаздывали на работу, ходили небритыми. Всего этого, конечно, не могли не заметить в Хабаровском крайкоме партии.

— А что, если мы устроим для вас общежитие? — предложили инженерам работники крайкома. — Дадим коменданта, уборщицу, приставим тетю Глашу. Будет она вас вовремя баиньки укладывать, по утрам кефирчиком поить...

Инженеры горячо запротестовали:

— Ну, что вы! У нас ведь жены есть! А жена как-никак лучший друг! Уважаемая половина! Мы уладим свои семейные дела!

И стали улаживать.

Первым в столицу на переговоры со своей уважаемой половиной собрался инженер Мельников. Учитывая всю сложность стоящей перед ним задачи, совнархоз решил откомандировать его за государственный счет. Провожать инженера в аэропорт пришли одиннадцать покинутых мужей. Они глядели на Мельникова с плохо скрываемой завистью и восхищением. Прощаясь, Илья Семенович протянул им пакет и дрогнувшим голосом сказал:

— Если от меня долго не будет известий, вскройте пакет...

...Через двадцать дней от Мельникова пришла телеграмма: «Прошу предоставить отпуск».

«Знать, нелегко приходится Илье Семеновичу», — подумали в совнархозе и срочно перевели Мельникову отпускные деньги.

...Через тридцать дней от Мельникова пришла вторая телеграмма: «Прошу продлить командировку».

Срок продленной командировки давно истек, а инженер не появлялся. Ждали день, два... семь дней! А на восьмой вспомнили о пакете, оставленном им при отлете в Москву. Пакет вскрыли и прочли:

«Ключ от квартиры у дворника».

Рисунок Е. МИГУНОВА

И. ПЕТРОСЯН

О б а

Был у мебельной артели
Цех по стульям и шкафам.
Во главе его сидели
Тяпкин — зав и Ляпкин — зам.
Шла вокруг худая слава
Обо всем, что делал цех...

Привлекли к ответу зава,
Чтоб разделать под орех.
Зав сказал:
— Виновен. Каюсь.
Но при всем прошу учесть:
Я один. Я разрываюсь.
Нужен зам... Он, правда, есть,
Но какой? Лентяй, тупица...
Мне неловко обвинять,
Но с таким нельзя мириться.
Нужно зама заменять!

Вот дела! Ну, прямо драма.
Зам, как видно, не того...

Взяли ключ. Отперли квартиру... Она была пуста. Об украшавшем ее когда-то мебельном гарнитуре напоминала лишь поломанная табуретка.

— Что случилось с инженером Мельниковым? — встревожились в Хабаровске.

Этот вопрос заинтересовал и меня. Возвратившись в Москву, я разыскал домашний телефон Ильи Семеновича. Трубку подняла супруга.

— Какое вам дело до моего мужа? Чего вы от него хотите? — возмутилась она.

Но тут в трубке зарокотал басок Ильи Семеновича. Он назначил мне место встречи: Покровский бульвар, 3, четвертый этаж, 491-я комната.

Я отправился по адресу...

Старинное здание с колоннами. Вывеска «Союзглавхимкомплект при Госплане СССР». Вот и нужная комната. Она сплошь уставлена столами. Письменный стол Ильи Семеновича у окна. Он сидит важный, представительный. Ныне в обязанности крупного инженера-машиностроителя входит снабжение строек насосами и вентиляторами.

Когда я отрекомендовался, Илья Семенович предложил было мне сесть. Но затем, окинув взглядом сидевших рядом сотрудников, поднялся, повесил на спинку стула пиджак и вполголоса произнес:

— Давайте-ка лучше выйдем...

Когда мы вышли, я спросил:

— Скажите, что заставило вас покинуть Хабаровск, большую, интересную работу?

Мельников помолчал, затем стал разъяснять:

— Жена не захотела там жить... А что поделаешь с супругой?! Сами понимаете, моя половина...

И в эту минуту я отчетливо увидел, как человек раздвоился. Одна его половина — уклончивая и скользкая — стояла передо мной. Важная и представительная половина осталась в комнате, из которой мы только что вышли. Там же, на стуле, остался и пиджак с партийным билетом...

Вскоре я встретился с остальными хабаровчанами, провожавшими когда-то Мельникова в его дипломатический вояж. Здесь же, в Москве! Все они покинули берега Амура и возвратились в гостеприимные московские канцелярии.

Интересная деталь: ни один из них не пожелал вести разговор с корреспондентом в присутствии сослуживцев или подчиненных. Кто предлагал пройти в пустую комнату, кто в коридор, а кто и в вестибюль...

Свою вторую половину они не желали выставлять для всеобщего обозрения.

А. ГОЛУБ,

специальный корреспондент Крокодила.

Хабаровск —
Москва.

П Р А В Ы

Привлекли к ответу зама,
Чтобы стружку снять с него.

Зам сказал:

— Виновен. Каюсь.

Но при сем прошу учесть:

Я один. Я разрываюсь.

Нужен зав... Он, правда, есть,

Но какой? Лентяй, тупица...

Мне неловко обвинять,

Но с таким нельзя мириться.

Нужно зава заменять!..

Зам и зав не зря старались

В обвинениях своих.

Оба правы оказались:

Заменили их двоих!

Перевод с армянского.

М Е Ж Д У П Р О Ч И М

И собака дружит с кошкой. Все зависит от того, кто хозяин кошки.

Картину «Мороз крепчал», как это тонко было подмечено рецензентом, художник «выполнил в теплых тонах».

Сеть торговую раскинули для покупателей. А попались продавцы.

За внедрение культурных навыков лучше все-таки бороться, а не драться.

Л. МИТНИКИЙ

Израненный острой критикой, автор упорно оборонялся, истекая самолюбием.

Искусственный сон — это не сон, вызываемый искусством. Например, искусством кино.

Режиссеры спорили, избивая друг друга увесистыми аргументами. В спорах рождались избитые истины.

Остроты были нужны драматургу, как плотнику гвозди. Ими он скреплял свой дубовый текст.

В курортном городе объявили конкурс на лучший пляжный костюм. Конкурс проводился под девизом «Голь на выдумки хитра».

Г. КАДНИКОВ

г. Ташкент.

Когда клиент фотоателье рассматривал свое изображение, на нем лица не было.

Если увольняют за пьянство, нечего лезть в бутылку.

В. ЗАЛИВАДНЫЙ

г. Свердловск.

— Как ты думаешь, ста килограммов сахара хватит на свадьбу?

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

Животновод стал маяком,
ему диплом почетный дали,
его качали:

- а) райком,
- б) исполком,
- в) и так далее...

Он приглашен был на банкет,
сидел на клетках,
на собраниях,
на дегустации котлет —
свинных, телячьих и бараньих.

И диссертацию ему
из института присылали.
А почему?
Да потому,
что мнение выслушать желали:

«Мы просим отзыв дать о ней
в разрезе главного вопроса
о психологии свиней
а) до,
б) после
опороса».

Писали кто во что горазд
и дети и пенсионеры:
пусть
а) ответ немедля даст,
б) сам придет к пионерам.
То Дорпрофсоюз,
то ДОСААФ
считал его своим активом,
он шел на лекцию в райздрав,
встречался с баннным коллективом.

Был нынче там,
а завтра тут,
провел беседу о морали;
в местком,
в товарищеский суд
и в сельсовет его избрали.

А брандмайор,
примчав в совхоз,
не стал играть с героем в прятки:
пришел, увидел и увез
в пожарном, так сказать, порядке.

Потоком шли запросы с мест,
чтоб маяка совхоз направил:
а) в клуб,
б) в трест,
в) в «Красный крест»,
и крест на нем совхоз поставил.

И ездил он и отвечал
и в дождь и в ясную погоду.
Качали,
он и подкачал:
на ферме не бывал по году.

Вопрос нам, может, зададут:
а) с кем?
б) где все было это?
в) не сгущаю ль краски тут?
Сгущаю, скажем по секрету.

Но важно ль в случае таком,
где:
а) в Перми,
б) в Минске?
Все же
важнее то,
что с маяком
так поступать нигде не гоже!

Александр НИКОЛАЕВ

Вот такая история, довольно
забавная и, как мне кажется, до-
вольно поучительная, произошла
не так давно в одном северном го-
роде, называть который в данном
случае не обязательно.

Жил и трудился там некто Кар-
дамонов Петр Михайлович, муж-
чина, как говорится, в самом со-
ку и притом обладавший этакой
бело-румяной дородной предста-
вительностью. Самой природой,
казалось, он был уготован для за-
нятия ответственных должностей.

И действительно, Петр Михай-
лович входил в местную номен-
клатуру, то есть принадлежал к
тесному кругу тех работников, ко-
торые неизменно нечто возглав-
ляют.

Кардамонов возглавлял в горо-
де сначала кирпичный завод, по-
том городское аптекоуправление,
затем крупорушку, затем еще и
еще что-то вплоть до конторы
Книготорга.

Но где бы ни сидел Петр Ми-
хайлович, что бы ни возглавлял, а
кончалось дело у него везде оди-
наково: беднягу «освобождали». Правда, без особого шума и тре-
ска. Просто выяснилось, что у
Кардамонова, кроме его бело-ру-
мяной дородности, других данных
для занятия руководящей долж-
ности нет.

Надо сказать, что Петр Михай-
лович был человеком безукориз-
ненной честности, добродушным и
симпатичным. Товарищам, от ко-
торых зависела его должностная

еудьба, не хотелось обижать его.
После очередного провала Карда-
монов, провалившись в некото-
рое время в резерве, снова неиз-
менно оказывался на коне, а
точнее — в руководящем кресле.

Тут еще известную и далеко не
последнюю роль играла супруга
Кардамонова — Раиса Матвеевна,
зубной врач по профессии. Она
была отличным специалистом, и
городские руководители лечили
свои зубы только у нее.

Сидя в зубо врачебном кресле с
распахнутым настежь ртом, работ-
ник, от которого «очень многое
зависит», покорно и доверчиво от-
давал свои челюсти во власть
пухлых и ловких ручек Раисы
Матвеевны, вооруженных злове-
щими инструментами. А Раиса
Матвеевна, уютная, полная, в чи-
стейшем, белоснежном халате, ла-
сково ворковала у него над ухом:

— Этот зубик у вас имеет ма-
ленький кариозик... Я буду очень
осторожно, не волнуйтесь!.. —
И совсем уже сладчайше: — Пет-
рушу бы моего... куда-нибудь,
совсем истосковался мужчина!..
Будет больно, мигните. Но рот не
закрывайте.

Работник, от которого «очень
много зависит», мигал и мычал
нечто благосклонное распахнутым
ртом... и спустя некоторое время
Петр Михайлович снова вдевал
ногу в стремя руководящего седла.

Однако после того, как Карда-
монова освободили от Книготор-
га, ему пришлось туго. В разгово-

ре с комсомольцами, которые об-
следовали книжные магазины го-
рода, Петр Михайлович наговорил
много лишнего: Элизу Ожешко на-
звал Лизой Орешко, Джека Лон-
дона — Джеком из Лондона и со-
вершенно банально запутался в
трех русских Толстых. К тому же
выяснилось, что книжные магази-
ны не выполняют торговый план
в то время, как в подвалах пы-
лятся самые ходкие книжки. Ко-
гда в городских инстанциях об-
суждали положение дел в Книго-
торге, там стало известно о не-
ловкой беседе Петра Михайлови-
ча с комсомольцами, и это повлек-
ло не только смехи да ирониче-
ские покачивания головой.

Кто-то сказал:

— Довольно нам уже нянчить-
ся с этим... обалдеем. На низо-
вую его надо послать. Не справ-
ляется человек, что же делать?!

Но в эту секунду у работника,
от которого «очень многое зави-
сит», к счастью для Кардамонова,
вдруг занял под коронкой зуб.
Поморщившись и поелозив язы-
ком по больной десне, товарищ по-
думал, что завтра, пожалуй, при-
дется поехать в поликлинику к
милейшей Раисе Матвеевне, и
внушительно поправил тневного
оратора:

— Ну, особенно-то торопиться с
выводами не следует. Ведь живой
же человек! Давайте поддержим
его пока в резерве, посмотрим. И
ему тоже будет польза: пусть по-
ка почитает художественную ли-

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

СТАРАЯ ПЕСНЯ

На север поехал один из них,

На солнечный юг другой...

РДАМОНОВ

температуру, восполнит свои, так сказать, пробелы.

На том и порешили.

А тут вскоре освободилось место директора крупной базы промышленных товаров, и Кардамонова послали ее возглавлять. Интересно, что работник, который назвал Петра Михайловича «обалдуюем», когда обсуждались дела Книготорга, на этот раз первый поддержал его, сказав:

— Подходящая кандидатура! Он, конечно, далеко не Кант, но человек безупречной честности. А туда именно такого надо.

Через пять месяцев Петр Михайлович оказался под судом. Нет, нет, сам он никакими махинациями не занимался и остался чист, как снег горных вершин! Махинациями занимались его подчиненные и ближайшие помощники. Они ловко пользовались наивностью, доверчивостью и безмятежной до святости неосведомленностью Петра Михайловича в таких скучных материях, как учет и бухгалтерия.

Кардамонову тоже угрожала опасность наказания по статье уголовного кодекса, карающей за халатность. Но на суде выяснилось, что Петр Михайлович много занимался воспитательной работой на базе и даже сам лично делал доклад о моральном облике торгового работника — в общем, старался, как мог. Это приняли во внимание, и Кардамонов по суду был оправдан. Тем не менее с поста директора базы ему пришлось

уйти, и снова он оказался в резерве.

На этот раз пребывание Кардамонова на отдыхе сильно затянулось. То ли зубы у работников, от которых «очень многое зависит», не болели и к Раисе Матвеевне незачем было обращаться, то ли по другой какой причине, но Петра Михайловича стали кормить «завтраками» и «послезавтраками».

— Зайдите завтра!.. Позвоните послезавтра. Подумаем, посоветуемся!

А когда Петр Михайлович приходил в назначенный день, ему говорили:

— Придется тебе, Петр Михайлович, еще потерпеть. Тут Синякин из «Утильсырья» вроде как собирается на пенсию. Место тихое, спокойное, мы тебя туда... планируем. Отдыхай пока.

И Петр Михайлович отдыхал, добавляя свежих красок к своей боярской белорумяности.

От безделья и душевного неблагодарства мужчину, как известно, неудержимо тянет к выпивке. И Петр Михайлович стал выпивать. Не сильно, а, как говорится, «в пропорцию».

Однажды, когда он в состоянии среднего подпития возвращался домой с дневной прогулки, у него и произошла встреча, оказавшаяся роковой. Навстречу Кардамонову неторопливой рысцой бежала по тротуару овчарка светлосерой масти с классической черной полосой на спине. В зубах овчар-

ка держала пару валенок, воткнувших один в другой.

Петр Михайлович увидел собаку с валенками в зубах, подозрительно прищурился, и в его мозгу, подогретом алкоголем, вспыхнула странная, но удивительно острая мысль.

— Стой! — крикнул Кардамонов собаке.

Овчарка остановилась и, в свою очередь, поглядела на прохожего подозрительно и настороженно.

— Где вы сперли валенки, собака? — сказал Петр Михайлович строго, совсем как тот прокурор, который допрашивал его на суде.

Высокие уши овчарки напряглись, стали прямо. О чем она подумала? Конечно, нельзя называть мыслями то, что происходило в мозгу собаки, но если сделать некоторый допуск, то подумала овчарка вот о чем: «Что от меня нужно этому толстому дядьке? Уж не подбирается ли он к валенкам хозяйки, которые я должна отнести домой из магазина, как мне было приказано?»

И она, локосившись на Кардамонова, побежала дальше. Но Петр Михайлович догнал собаку и снова преградил ей дорогу, вытянув руки крестом:

— Отвечай, тварь, где взяла валенки?

Овчарка глухо и грозно зарычала, еще крепче сжав в зубах ношу хозяйки.

Вокруг человека и собаки стала собираться толпа.

— Что случилось?

— Ничего особенного. Пьяный пристал к собаке.

— Глядите, у собаки валенки в зубах. Интересно, где давали?

— Спросите у собаки!

— Гражданин, оставьте собаку в покое! Выпили, ну и идите себе.

— Пустые ваши слова, — с горечью отозвался на этот добрый совет Кардамонов, которого «разбирало» все больше, — тут, может быть, происходит расхищение социалистической собственности... при помощи специально обученной собаки, а вы... позволяете разные насмешки.

Он вцепился обеими руками в валенки и стал рывками тащить их к себе из пасти овчарки. Собака рычала, судорожно сжимая железные челюсти. Но она уже была близка к тому, чтобы нарушить

приказ хозяйки, бросить ношу и вцепиться в горло обидчика.

К счастью Петра Михайловича, к месту происшествия поспешил милиционер, толковый молодой парень, бывший пограничник. Он оттащил человека от собаки, последнюю храбро взял за ошейник, а первого под руку, и они все трое отправились в ближайшее отделение милиции.

Дежурный по отделению быстро разобрался в деле. Собака — со всяческими комплиментами — была передана ее хозяйке, прибежавшей в милицию следом за Кардамоновым и овчаркой, а Петра Михайловича по случаю ремонта помещения городского вытрезвителя пришлось оставить до утра в отделении.

О происшествии в городе все быстро узнали. Местная газета в это время как раз проводила кампанию по борьбе с пьянством, сообщая своим читателям о тех, кто был задержан на улице в пьяном виде, и бедный Петр Михайлович угодовал в черный список. Фамилию его, правда, не назвали, стыдливо обозначив заглавной буквой, но имя и отчество напечатаны полностью. И от Раисы Матвеевны ему здорово влетело!

Только через месяц, когда все улеглось и забылось, Кардамонов пошел узнавать, долго ли еще он будет пребывать в резерве.

Встретили его очень сухо. Разъяснили, что после уличного поединка с собакой и заметки в газете он не может рассчитывать на занятие ответственной должности. Он общественно скомпрометирован и должен это понять. Вот разве что в отъезд... Но вряд ли Раиса Матвеевна согласится уехать из города, где ее так любят и где она так нужна. В общем, надо идти на «рядовую». Петр Михайлович обещал подумать и ушел совершенно обескураженный.

Когда дверь за ним закрылась, один из говоривших с Кардамоновым работников сказал весело:

— Наконец-то мы покончили с этим обалдуюем! Нужно сказать спасибо собаке, которую он тогда встретил. Не будь собаки, мы бы до сих пор с ним возились!

— Недаром (говорится: собака — друг человека!) — подхватил шутку другой, и все находившиеся в комнате засмеялись.

А надо бы плакать!

Отвлечение разговорами

Всесоюзный
Специализированный
трест
СПЕЦИДРОЭНЕРГОМОНТАЖ
Монтажный участок
5 марта 1962 г.
№ 43

Производственная характеристика

Дана тов. Ильину Александру Николаевичу, слесарю-монтажнику 4-го разряда.

За время работы на Уч-Курганском прорабстве «Спецгидроэнерго-монтажа» с августа месяца 1961 года тов. Ильин А. Н. на работе показал себя дисциплинированным и исполнительным рабочим.

В последнее время, с декабря 1961 года, стал часто, почти во вре-

мя каждого перекура, подходить к Полозовой Н. М. и отвлекать разговорами от работы. В связи с этим товарища Ильина вынуждены были перевести из бригады Полозовой в бригаду Шульги. В новой бригаде тов. Ильин работал так же хорошо, но в свободное время так же продолжал подходить и отвлекать от работы Полозову. Иногда бывала обратная картина: Полозова отвлекала от работы Ильина.

Других замечаний по работе тов. Ильин не имел.

Мастер СГЭМ — Бредихин С. В.
Руководитель работ
СГЭМ — Карелин Б. И.

Здесь изменены только фамилии действующих лиц. Неоспоримые творческие достижения авторов этого интригующего документа не позволили нам засекретить их имена.

Военные...

и дипломатические

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

ЭСТАФЕТА С ПРОТЯНУТОЙ РУКОЙ

Время от времени с Запада приходят вести об установлении различных рекордов. При этом не всегда речь идет о спорте. Скажем, Джек исполняет часов двенадцать пассажи на фортепьяно с помощью ног. Или же Джон устанавливает рекорд по пробиванию лбом стен — фанерных или пластмассовых. Разные, как видите, бывают рекорды.

Но то на Западе, где виды соревнований непрерывно обновляются. «Нам, на Востоке, — говорит иранский премьер-министр Амини, — еще много надо сделать, чтобы догнать Запад». Что же делает Амини? Он устанавливает такие рекорды, какие, например, в штате Массачусетс сочли бы явным анахронизмом. Амини говорит, говорит подолгу, жалостливым голосом, в просительном тоне. Но метит он не на спортивную медаль. Его интересует более весомый приз — деньги.

Дело в том, что иранская казна давно уже опустошена непосильными расходами, которые Иран несет, будучи членом отнюдь не спортивного клуба под названием СЕНТО. Членство в этом клубе обходится стране в 60 миллионов долларов в год. Вот почему Амини решил совершить спортивно-говорильное турне по Европе. Перед отъездом Амини произнес, так сказать, тренировочную речь.

— Все просто, как детский мяч, — заявил он. — Государству нужны деньги, а денег нет. Ну что же, я еду в Европу и привожу доллары.

Вот при каких обстоятельствах иранский премьер-министр пустился во все тяжкие, сильно надеясь на свой голосовой аппарат.

Справедливости ради следует отметить, что на площадках Бонна, Брюсселя, Лондона и Парижа Амини выступал в отличной форме. Он то пускал трели, рекламируя богатейшие возможности для дальнейшего грабежа страны иностранцами, то заливался соловьем, расхваливая стратегическое положение Ирана. Здесь, сами понимаете, репертуар зависел от аудитории.

Скажем, повезли боннские гос-

пода своего иранского гостя в Западный Берлин на границу с демократическим сектором. «Посмотрите, — говорят, — господин премьер, как они охраняют границы. Наши шпионы и диверсанты вне себя от горя». Иранский премьер мигмом сообразил, что к чему и изрек:

— Да, господа, это совершенно бесчеловечно.

«Что-то мне подкинут», — думал Амини, возвращаясь в Бонн. Увы, последовал удар: достижения Амини зафиксированы не были. В Бонне канцлер Аденауэр и министр экономики Эрхард пообещали лишь вновь рассмотреть вопрос о предоставлении кредита, обещанного еще год тому назад.

«Не обломилось, — с тревогой подумал Амини. — Ну что ж, пойдем дальше».

Дальше был Брюссель. Здесь Амини начал плести тончайшие кружева. Однако оплести ими никого не удалось. В Бельгии крепко призадумались и пока дали уклончивый ответ. Не то что медали, а даже франка не дали. Не оценили, так сказать.

«Худо, — подумал Амини. — Веселенькая перспектива — возвращаться в Тегеран с пустым карманом. А что ждет меня в Париже и Лондоне?»

Увы, мрачные предчувствия не обманули Амини! В Лондоне и в Париже все обстояло в высшей степени интеллигентно. Там вежливо слушали, хлопали в ладоши, не скупившись на комплименты, даже протянули руку... Но ограничились рукопожатием.

— А как же насчет? — заикнулся было Амини.

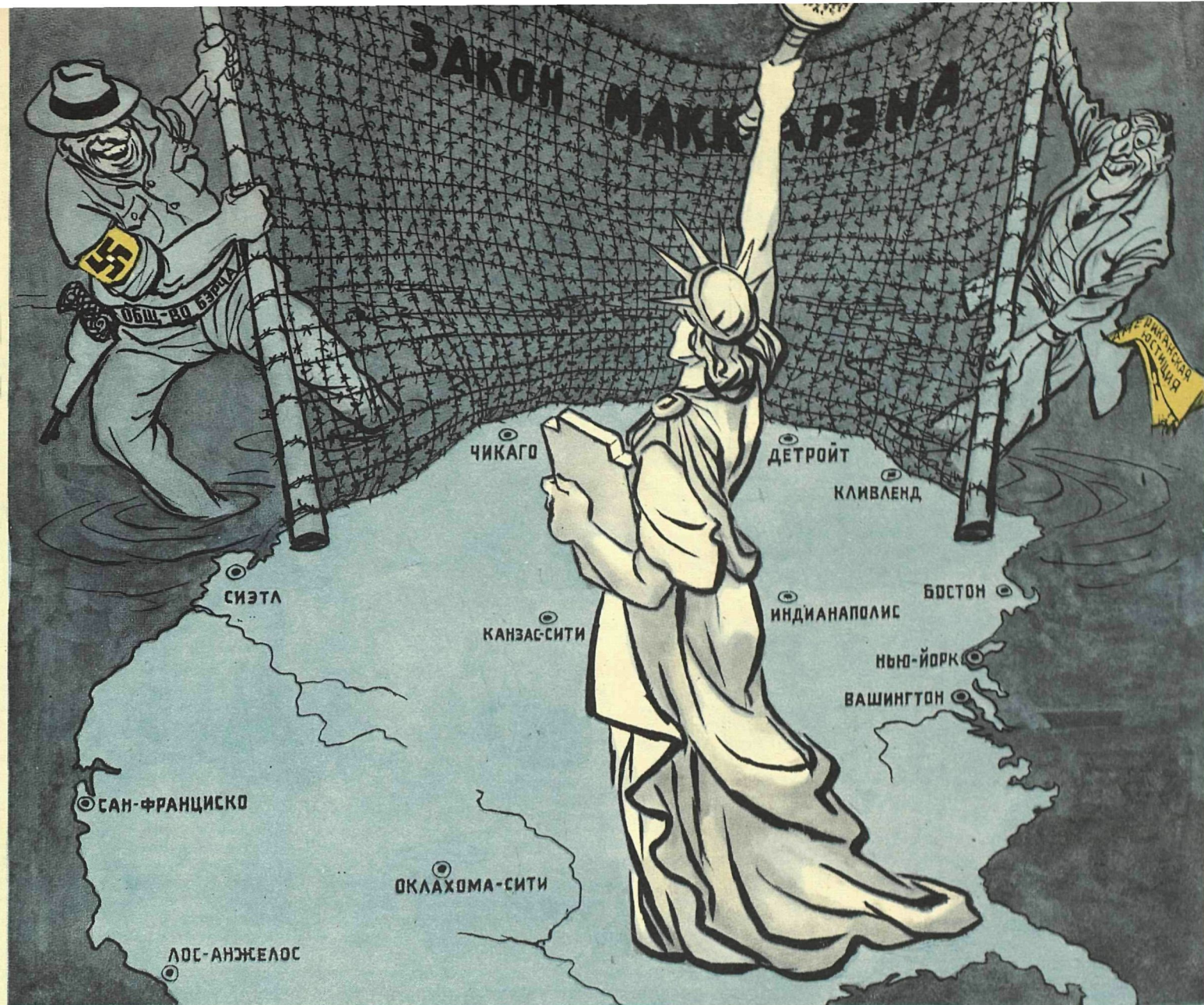
— Извините, никак. К сожалению, сейчас не дадим. В будущем обязательно, дорогой премьер... подумаем.

Так и возвратился непризнанный рекордсмен в Тегеран. По возвращении не было ни тимпанов, ни фанфар.

Посмотрел шах в пустую ладонь Амини, все понял и тут же вылетел в Америку. Может, хоть там выдадут приз за жалостливые речи.

Межконтинентальная эстафета с протянутой рукой продолжается.

Я. МАЛЫКИН

Заводят очередной бредень...

Рисунок И. СЕМЕНОВА

В наследство от предков я получил, кроме дюжины медалей и кучи долгов, старинный пистолет, некогда служивший моим предкам для борьбы с врагами отчизны, а заодно и со своими собственными.

Пистолет этот в наши дни может иметь разве что музейную ценность, тем не менее благодаря длинному дулу и инкрустированной рукояти он производил устрашающее впечатление на всех, кому я его показывал.

Долгие годы это грозное оружие валялось за шкафом, в футляре, но в конце концов настал момент, когда пистолет должен был сослужить мне службу.

Приближался день моей помолвки. Моя избранница до последней минуты не могла решиться: она то с плачем падала в мои объятия, то науськивала на меня собак. Ее окончательное решение все еще оставалось огромным вопросительным знаком. Будучи на грани отчаяния, я сунул в карман пистолет и с букетом цветов отправился к избраннице моего сердца. Еще с порога я увидел, что она в плохом настроении, но отступить было нельзя. Одной рукой я подал ей букет цветов, а другой вытащил пистолет и приставил дуло к ее груди.

— Ты хочешь стать моей женой?

— О боже, хочу! — воскликнула она, поблещав как полотно.

Через неделю состоялась свадьба. С тех пор пистолет начал ока-

Лешек МАРУТА

зывать мне неоценимые услуги. Во-первых, я получил квартиру. Начальник жилотдела, правда, поначалу чинил мне препятствия, увилив от ответов и даже бросил двусмысленно:

— Если мы получим, то и вы получите.

Тогда я навел на него свой пистолет и коротко спросил:

— Стрелять?

— Сейчас все будет сделано, можете немедленно получить квартиру! — струхнул чиновник.

Тем же способом я устроился в иллюстрированном журнале на должность репортера. С получением интервью у меня не было хлопот. Если кто-нибудь пытался отказать мне, я доставал пистолет, и очередная жертва как по нотам отвечала на вопросы: «Имя, фамилия?», «Год и место рождения?», «Профессия?», «Где живете?», «Чем вы нас порадуете в ближайшем будущем?».

Необычный метод давал великолепные результаты, и мои заработки росли.

Плохо приходилось и тому, кто пытался обмануть меня. Неодно-

кратно в магазинах или у мясника я вынужден был прибегать к помощи моего верного друга. И тотчас же продавец, меняясь в лице, извинялся:

— Действительно, произошла маленькая ошибка! Пан начальник, сообразовите извинить!

Но больше всех, однако, доставалось от меня разным хулиганам и озорникам. Бывало, возвращаясь поздно домой, вдруг из подворотни показывается бандит с кирпичом в руках и предлагает нагло:

— Купите кирпич.

Тотчас же проворным движением выхватываю античное оружие и, в свою очередь, предлагаю:

— Купите пистолет! — А потом: — Руки вверх! Марш в комиссариат!

Разрешения на ношение оружия никто у меня не спрашивал, да и что это было за оружие в самом деле! Чтобы выстрелить из моего пистолета, нужно было проделать целый ряд сложных операций: прочистить дуло тряпкой, истолочь порох в ступке, насыпать его на полку, засунуть в дуло свинцовую пулю,

заткнуть дуло пробкой и подпалить фитиль.

Со временем, однако, я стал очень нервным. Стоило кому-нибудь подойти ко мне и спросить: «Что слышно?» или «Ну как дела?», — как я сразу же наставлял на него дуло пистолета.

Но, как говорится, и на старуху бывает проруха.

Один историк, из которого я пытался выжать интервью для журнала, совершенно не испугался грозного вида пистолета. Наоборот! Он схватил его, внимательно осмотрел со всех сторон и радостно воскликнул:

— Ведь это старинная вещь! Как раз такого нам и не хватает. От имени дирекции народного музея я прошу вас пожертвовать этот пистолет для нашей коллекции.

Я не посмел отказать.

С тех пор все изменилось в моей жизни. Жена от меня ушла, меня уволили с работы, в квартиру вселили жильцов, продавцы обманивают меня на каждом шагу, а знакомые безнаказанно пристают ко мне на улице и часами ведут смертельно скучные разговоры.

Одно только меня утешает: мой любимый старинный пистолет находится в музее на стенде, в позолоченной рамке и снабжен надписью: «Пистолет Наполеона».

Перевод с польского
В. ГОЛОВСКОГО.

Я человек современный, предрас- судки мне чужды. Бывает, ко- нечно, что черная кошка пере- бежит дорогу или баба с пустыми ведрами встретится на пути. Тогда я оворачиваю в ближайший пере- улок — не из суеверия, а просто так, на всякий случай.

А что касается цифры «13», я на нее никакого внимания не обращаю. Раньше обращал, а теперь нет. Ко- ренной перелом во мне произошел после того, как я съездил на курорт. Скорым поездом я на юг не поехал, потому что скорый как раз следует под номером «13». Я поехал пасса- жирским, в нем спокойнее, дешевле и не так качает. Номер у него тоже вполне подходящий — «72».

Езды до курорта было двое суток. Вагон купированный, постель чистая, прохладная, радио исполняет песни советских композиторов, купе № 4, место № 12 — верхнее, тихое, проводница очень симпатичная, вся в кудряшках, носик вздернутый, гла- за насмешливые, угощает чаем и до- рожными сухариками. В общем, по- ложительный образ нашей современ- ности. Соседи по купе попались то- же ничего себе, закусывают холод- ной курицей и слушают, что я им рассказываю. А рассказывать я могу сколько угодно, что было и чего не было. Фантазия у меня богатая. Так незаметно подошел вечер, соседи стали укладываться спать.

Я вышел прогуляться по коридо- ру, в медицине это называется «мо- щон», врачи рекомендуют перед сном. Дошел я до края коридора и вдруг слышу в тамбуре голоса — один женский и два нахальных. Жен- ский показался мне знакомым.

— Пропустите, — говорит, — не имеете права меня тут задерживать.

А нахальные голоса отвечают:

— Это мы-то не имеем права?! Я прислушался.

— Отстаньте, а то я кричать бу- ду, — жалобно просит женский голос.

А нахальные измываются:

— Во-первых, твой крик никто не услышит, а, во-вторых, если даже ус- лышат, на помощь не придут, потому что мы хулиганы и с нами никто свя- зываться не хочет.

И тут, несомненно, допускается какое-то нахальство, потому что раз- дается женский визг.

Поскольку мы с вами недостаточ- но знакомы, вы можете подумать, что я люблю прихвастнуть. Спорю нет, люблю, кто же этого не любит, но не злоупотребляю. Не от избыт- ка моральных качеств, а от недостат- ка физических. Хвастать нечем. Рост у меня 162 с половиной сантиметра, бицепсов и прочих архитектурных излишеств во внешнем оформлении не имеется, по линии спорта являюсь только болельщиком. Что же касает- ся рыцарства, то, может быть, в средние века, когда носили стальные кольчуги и железные забрала, из ме- ня бы и вышел рыцарь, но в наше время, в костюме из отечественной жатки, с совершенно босой физионо- мией, рыцарские замашки может позволить себе только чемпион тя- желого веса.

Ничего удивительного, что сердце у меня екнуло и я сделал поворот, как говорят математики, на 180 гра- дусов.

Но тут в тамбуре послышался зло- дейский смех, а затем жалобный женский голосок. И вдруг я воочию представил себе светлые кудряшки, и симпатичный носик, и смеющиеся глазки проводницы.

Что случилось со мной, не знаю. Однако могу вас заверить, что бы- вает такое состояние в человеческом организме, когда отечественная жат- ка прочнее стальной кольчуги.

Н. ЛАБКОВСКИЙ

РАССКАЗ

Р Ы Ц А Р Ь

Я почувствовал, как мой рост уве- личился по крайней мере до 166 сан- тиметров, а из ноздрей вырывается пламя. И в таком устрашающем ви- де появился я перед хулиганами. Их было двое. От них разило кубанской водкой. Один — широкоплечий, ску- ластый, в маленькой кепочке с чуть заметным козырьком, другой — то- щий, с длинным, как банан, носом и двумя пуговками вместо глаз. Все- таки не зря я посмотрел столько фильмов отечественного производст- ва: я сразу узнал настоящих хулига- нов. Встреть я таких вечером на бульваре, я дал бы ходу со скоро- стью 60 километров в час. Но сего- дня на мне была кольчуга из отече- ственной жатки.

— А ну-ка, шпана, отодвинься! — бесстрашно сказал я и, взяв за ру- ку проводницу, втянул ее в кори- дор. — Бегите к себе, — шепнул я.

Девушка побежала в служебное купе.

Хулиганы спервоначалу даже испу- гались, но, разглядев, что я не Юрий Власов и даже не оператив- ник, снова набрались нахальства.

— В каком купе едешь? — ехидно спросил длинный.

— В четвертом, — ответил я, — а что?

— Какое место? — добавил ску- ластый.

— Двенадцатое, а что?

— А то, что мы сегодня еще встре- тимся, когда все спать лягут...

Я вернулся в свое купе, снял пид- жак и почувствовал себя, как ры- царь без доспехов. Весь мой бы- ший рыцарский организм стало тря- сти, как в лихорадке. И пот полил с

меня в три ручья. Сосед с нижней койки в это время развязывал перед зеркалом галстук. Он поглядел на меня сочувствующе.

— Э-ге, — сказал он, — да у вас настоящий грипп и температура вы- сокая! Может быть, лучше перей- дете вниз, здесь вам будет прохлад- нее. Спускайтесь, а я устроюсь на вашем месте.

— А вы... того... жары не бои- тесь?.. — пролепетал я.

— Что вы! Я ни холода, ни жары не боюсь.

Если бы он только знал, что я подразумевал под словом «жара»! Чего греха таить... Мелкий я ока- зался человечиска. Я стал снимать сверху мой чемодан и тут только увидел, что над местом моего сосе- да номер 13. Я задрожал еще силь- нее и полез обратно, как вдруг вспомнил, что сообщил хулиганам свой точный адрес. Я повис в беспо- мощности между низом и верхом.

— Э, да вы совсем плохи! — со- крушенно сказал сосед и уложил ме- ня на нижнюю койку.

Не знаю, сколько времени про- шло, спал я или не спал, но вдруг я вспомнил, что не запер купе на задвижку. Может быть это сделал кто-нибудь из соседей? Я открыл глаза. О, легкомысленные люди! Дверь вообще была полуоткрыта. Только я хотел исправить ошибку, как вижу в дверях знакомые фигуры. На мгновение зажегся карманный фонарик, и сиплый голос сказал:

— Место № 12. Это он.

Потом другой произнес шепотом: — Гражданин, выйдем-ка на ми- нуточку в коридор, есть об чем по- говорить.

Мой сосед спустился с верхней полки, плохо понимая, что происхо- дит. Я хотел крикнуть ему, чтобы он не шел, но слова прилипли к гор- тани. Меня трясло, и я не мог выда- вить из пересохшего горла ни звука.

Я впервые сегодня об этом расска- зываю. Не знаю, почему на меня на- пала такая откровенность. Наверно, потому, что вы так симпатично улы- баетесь. До сих пор я даже вспоми- нать об этом стеснялся.

В общем, сколько времени про- шло, не знаю, но дверь опять от- крылась и в купе как ни в чем не бывало вошел мой сосед. Он потер руки, размял плечи и юркнул под одеяло. Через минуту он уже спал сном праведника.

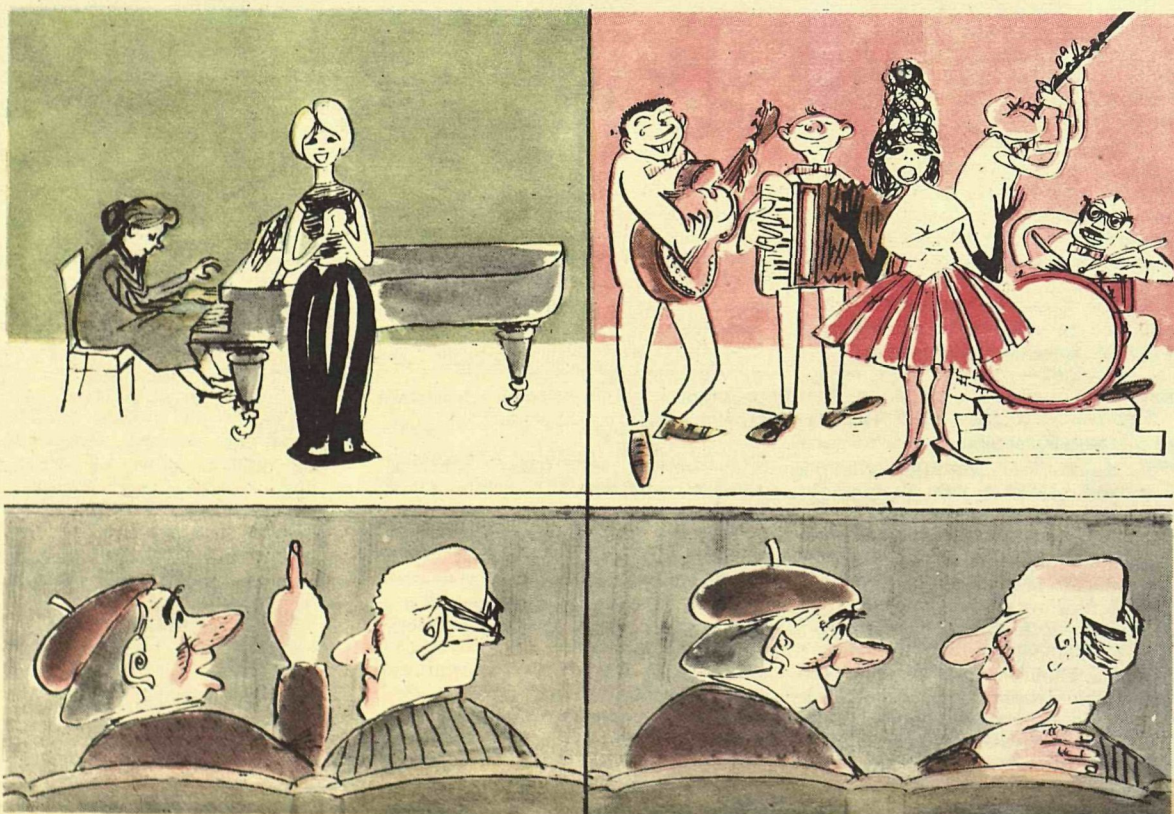
Если хотите знать, я тоже заснул. Из чего можно сделать заключение, что дрожал я раньше не от угры- зений совести, а от страха.

Разбудил меня веселый смех. В купе было светло. Сосед сидел на мо- ей койке, спустив ноги вниз, и рас- сказывал попутчикам о ночном при- ключении. Насколько я понял из об- рывков услышанного, какие-то два типа хотели его избить, но бедняги не знали, что имеют дело с боксе- ром первого разряда...

Я поднялся с постели и, стараясь остаться незамеченным, проскольз- нул в туалет. Когда я возвращался оттуда умытый и причесанный, меня перехватила в коридоре хорошень- кая проводница. Она смотрела на меня глазами, полными восторга.

— Спасибо, — шепнула она. — Ну и отделали вы этих двух бродяг! Их пришлось сдать в медпункт ближайшей станции. Милиция ин- тересовалась, кто их так обработал, но вы не бойтесь, я вас не выдаю. Я сказала, что они между собою по- дрались. — Она стиснула мою руку и шепнула: — Вы настоящий рыцарь!

С тех пор цифра «13» мне нипо- чем, и в этом году я поеду на юг скорым поездом. Ну и что из того, что он следует под номером «13»! Зато в нем гораздо спокойнее...

КОМПОЗИТОР: — Мой романс в таком виде не дойдет до слушателя!

...Вот теперь другое дело!

Рисунок Б. САВКОВА

Т а б у р е т к а

Столяр Игнат — работник как	«В честь Мая
но прогремел	я даю,
давно	я принимаю,
на весь завод.	и обещаю я
Еще в канун	не подкачать!»
денечков новогодних	Идет собрание в клубе.
на вахту	И, как ранее,
новогоднюю	Игнат с готовой речью
встает.	тут как тут:
В многотиражку	«Шестому профсоюзному
заводскую	собранию
лично	свой неустанный
приносит	посвящаю труд!»
преогромную статью:	Глядишь, ноябрь
мол, я обет	подходит незаметно.
трудиться на «отлично»	Игнат
в честь новогодних	не потеряет
праздников	время зря:
даю!	«Клянусь трудиться
Пройдет зима.	честно,
И наш Игнат	беззаветно
с азартом	навстречу
с трибуны	и во славу Ноября!»
выступает	Вот славной!
раньше всех:	Но возьмите на заметку:
«Встаю на вахту	Игнат
в честь	от января до декабря
Восьмого марта	строгает
и обещаю	все одну же
трудовой успех!»	табуретку,
А там, глядишь,	о ней и так
подходит время к маю.	и этак говоря!
Игнат с почином	
выступит опять:	г. Ленинград.

МЫТАРСТВА У ЭКРАНА

Мы живем в Рыбинске, Ярославской области. Город наш промышленный. Число жителей — без малого 200 тысяч. У нас в городе работает телевизионный ретранслятор. А вот как он работает, мы и хотим тебе рассказать.

Дело в том, что Ярославль принимает телевизионные передачи из Москвы по радиорелейной линии и передает со своего передатчика для телеприемников Ярославля и его окрестностей по второму каналу. Качество передачи при этом хорошее. Ярославцы вполне довольны. А что же получается у рыбинцев?

От Ярославля до Рыбинска расстояние не более 80 километров. Но для сигнала Ярославского телецентра это расстояние оказывается непосильным. Передачи из Ярославля по пути обрастают множеством всевозможных помех. В Рыбинске эти помехи усиливаются, преобразуются на пятый канал и тогда уже попадают в наши телевизоры. Вот тут-то и начинаются мытарства.

На экранах наших телевизоров можно увидеть все, что угодно, но только не передачи из Москвы. Чаще всего мы видим расчерченные с геометрической точностью черно-белые горизонтальные полосы, всевозможные орнаменты и витиеватые узоры. Реже — некое подобие человеческих фигур и совсем редко — удовлетворительные передачи. Это продолжается более четырех лет.

Давно идут разговоры, что пора продлить радиорелейную линию до Рыбинска. Для этого надо только соорудить одну небольшую промежуточную автоматическую установку между Ярославлем и Рыбинском. Или же Ярославль должен дать более мощный сигнал, чтобы его не забивали помехи.

Как видишь, дорогой Крокодил, за эти четыре года мы неплохо изучили технику телевидения. Но, откровенно говоря, нас это не очень радует. Мы с удовольствием передали бы наши знания тем, кому этой техникой ведать надлежит.

Работники Рыбинского судостроительного завода
КОРОТКИХ, ХАМИЧЕВ, СЕМЕНОВ, ШАБРОВА, РЫБАК и др.
(всего 30 подписей).

СВЕРХНАУЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

— А почему не «Волга»?

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

— Что ты боишься? Кошка ведь не черная!

— А вдруг она покрасилась?

Рисунок Бориса ЛЕО

Натуся

Жена всегда права.

Огоршив холостого читателя этим интригующим вступлением, мы переходим непосредственно к рассказу.

Наталья Васильевна, женщина средних лет, лежала на тахте и читала однотомник Ремарка. Хлопнула входная дверь, и в комнату вошел Николай Петрович.

— Прошу встать, муж идет! — патетически произнес он голосом Левитана и, положив портфель, устало опустился на стул.

— А, это ты, Николаша! — обрадованно сказала Наталья Васильевна и встала. — Наконец-то! Я уже заждалась. Ну как, был в совнархозе?

— Был. У самого председателя.

— А почему не в отделе кадров?

— Я сперва пошел туда, но начальник отдела...

— Он мужчина или женщина?

— Женщина. Она пошла со мной...

— Молодая?

— Вероятно, твоего возраста. Мы с ней...

— Красивая?

— Я не обратил внимания. Она сказала мне...

Пухлые пальчики Натальи Васильевны нежно легли на губы мужа.

— Мне все это совсем неинтересно, милый! — проворковала она. — Я хочу знать, что было у председателя.

— Но ты же сама меня перебиваешь! — сказал Николай Петрович, пожав плечами. — Так вот, когда мы вошли к предсовнархоза...

— Он мужчина или женщина?

— Мужчина. Он подробно расспросил меня...

— Молодой?

— Кажется, моих лет. Его интересовало, как я руковожу цехом...

— Он предложил тебе сесть?

— Конечно. Я рассказал ему...

— А мебель у него в кабинете красивая? Николай Петрович недоуменно уставился на жену.

— Мебель? При чем тут мебель?

Наталья Васильевна насмешливо хмыкнула.

— Это ты скажи, при чем тут мебель. — Она укоризненно покачала головой. — Можно подумать, что тебя пригласили в совнархоз для мебели. Вместо того, чтобы рассказать, зачем тебя вызвали, ты все время говоришь о каких-то пустяках.

— Я говорю о пустяках?! — саркастически произнес Николай Петрович. — Да-а-а!.. Ну, ладно. Короче говоря, предсовнархоза познакомил меня с директором одного машиностроительного завода...

— Он мужчина или женщина?

— Он с усами! Директор описал мне...

— Молодой?

— Лет тридцати — шестидесяти!! У них на заводе не ладится операция...

— А что делали остальные, пока вы разговаривали?

Николай Петрович нервно хрустнул пальцами.

— Сидели. Стояли. Ходили. Слушали. Говорили. Пели. Выбери сама, что тебя больше устраивает.

— Меня не устраивает, милый, — нежно произнесла Наталья Васильевна, — что ты двух слов связно сказать не можешь и сам же еще сердиться.

— Я не сержусь, — сердито проворчал Николай Петрович. — Я... я... я... показал директору чертежи наших приспособлений для этой операции...

— Они у тебя были с собой?

— Нет, я показал их заочно!.. Одним словом, в конце беседы предсовнархоза...

— А сколько времени ты пробыл у него в кабинете, Николаша?

Несчастный Николаша вскочил со стула.

— Ну какое это имеет значение? Опять ты не даешь мне досказать. Просто бред какой-то!

Наталья Васильевна искоса взглянула на мужа и вынула из кармана носовой платочек.

— Я не даю тебе досказать? — печально произнесла Наталья Васильевна. — Я целый день,

как дура, волновалась, зачем тебя вызвали в совнархоз, а ты... ты...

Она приложила платок в глазам. Николай Петрович беспомощно развел руками и примитивно сказал:

— Но ведь я, Натуся...

— Спокойствие жены, — гробовым тоном перебила Наталья Васильевна, — для тебя ничего не значит.

— Но ведь ты, Натуся...

— Для тебя нет большего удовольствия, чем расстроить жену.

Николай Петрович вздохнул и, подойдя к окну, стал молча смотреть на улицу. Наталья Васильевна жалобно высморкалась и прерывающимся голосом сказала:

— Еще не было случая, когда бы ты признал свою неправоту. Что бы я ни сказала, ты всегда говоришь наперекор. Никогда не даешь мне слова вымолвить. — Она горестно всхлипнула и, обращаясь к спине безмолвствующего мужа, с надрывом прошептала:

— Довел до слез, а теперь еще и кричишь на меня. Замолчи сейчас же! Слышишь? Я тебе говорю.

Николай Петрович обернулся и спокойно, ровным голосом сказал:

— А в конце беседы председатель совнархоза предложил мне должность главного инженера на этом машиностроительном заводе. Я подумал и согласился.

— Правда, Николаша?! — воскликнула Наталья Васильевна, без всякого перехода сменив надрыв на ликование. — Ой, как это здорово! Почему же ты мне сразу не сказал?

— Сразу? — усмехнулся Николай Петрович. — Я пытался, но, видимо, не сумел. Ты уж меня, Натуся, прости, пожалуйста!

— Эх, ты! — Натуся взъерошила мужу волосы. — Никогда ничего не можешь толком рассказать. Ну что с тобой поделаешь? Прощаю.

Я. ДЫМСКОЙ

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Прежде чем газифицировать граждан по графику, они должны перечислить деньги в строительную организацию согласно сметы на газификацию, так как граждане, которые пишут заметки, были не согласны платить деньги за газификацию, график был нарушен, они остались не газифицированы».

(Из ответа управляющего апшеронским трестом «Райгаз» на выступление газеты «Апшеронский рабочий».)

Копию сняла Г. СИНИЦЫНА.

«Ранее намеченные мероприятия устранены согласно указанных сроков».

(Из объяснительной записки.)

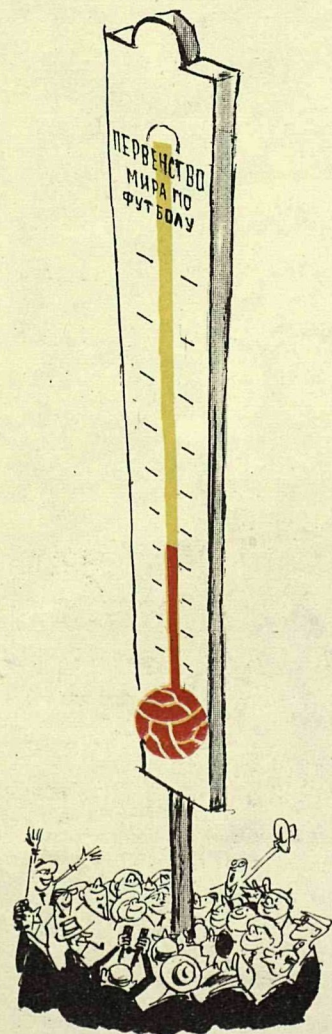
Копию снял И. НЕУМЕЙКОВ.
г. Оренбург.

«Сын у меня неродной, но он меня любил, называл меня папочкой, то есть ласкательным суффиксом».

(Из показаний подсудимого.)

Прислал С. БЕЛОВ.

г. Новосибирск.

Лето будет жарким.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Рисунок В. ПЕТРОВА

Что нового в сатирическом цехе

«ОТ ИМЕНИ И ПО ПОРУЧЕНИЮ» персонажей своих фельетонов выступил в Библиотеке Крокодила И. ШАТУНОВСКИЙ. Там же поэт Л. ГАЛКИН сделал сообщение, что такое «ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ».

«ВЗДОХИ НА СКАМЕЙКЕ» — это, по свидетельству автора, рассказ об ответственном работнике исполкома. И еще... Впрочем, все остальное — в книжке Б. ЕГОРОВА, пополняющей Библиотеку «Огонька».

«СКОЛЬЗКОЕ МАСЛО» обнаружил А. МОТОРНЫЙ. Сборник его рассказов под таким названием появился в Библиотеке «Перца».

«ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ» — «веселые и невесе-

лые рассказы» выпущены Гослитиздатом. Автор этого сборника народный писатель Латвии А. УПИТ начал свою литературную деятельность еще в прошлом веке. Именно с сатирических, юмористических рассказов и фельетонов.

«ПУГОВИЦА» — сатирическая повесть В. АУДРОНАША вышла в Вильнюсе на литовском языке. Сборник юморесок Г. АНГЕРВАКСА «МУМИЯ» издан в Таллине на эстонском языке. Басни и пародии С. АБДУКАХХАРА «ПРАВДА ГЛАЗА КОЛЕТ» напечатаны в Ташкенте. Сатирические рассказы и фельетоны С. АДАМБЕКОВА «ГЛАЗАМИ АНДАРКОСА» — в Алма-Ате. Басни Г. ГЕХУНИ «МИШЕНЬ» — в Ереване.

«ЛУЖНИКИ В КОШКАДОНАХ» возвел собственными литературными средствами кишиневский фельетонист Ф. ЧАЩИН. Его книга выпущена издательством «Карта молдовенескэ».

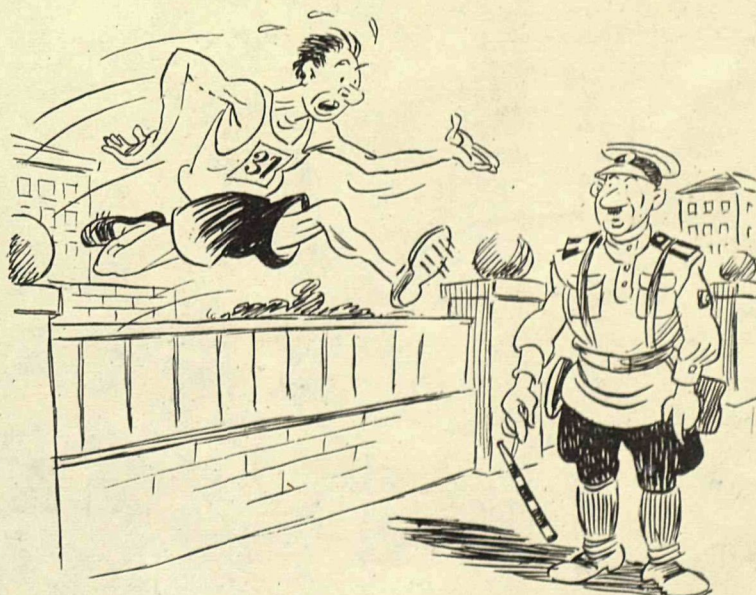
ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

Электрический провод был в натянутых отношениях с электролампочкой. «Фи, какой длинный и тощий!» — издевалась лампочка, сияя ослепительной красотой. Не выдержав насмешки, провод лопнул. А что же лампочка? Ее красота тут же угасла...

Анод — личность весьма положительная. Но, не обладая достаточной твердостью характера, постоянно входил в контакт с катодом — натурой, в высшей степени отрицательной.

Лампочка, вкрученная в патрон под самым потолком, всячески старалась выкрутиться из своего положения. А когда ей это удалось, упала и разбилась.

Евг. ДАНИЛОВ

— Скажите скорее, в какой стороне стадион?

Рисунок И. СЫЧЕВА

Происшествия

ПРОВАЛ ЦЕРЕМОНИИ

Возьмите стило, поэты! Музыканты, настройте сладкозвучные арфы! Произошло выдающееся событие.

Председатель исполкома Табунского райсовета Алтайского края Г. И. БЫСЬКО издал «Распоряжение № 2». В этом распоряжении он мечет громы и молнии на исполкомовских нарушителей финансовой дисциплины. Дрожь пробегает оттого, как достается на орехи бедным бухгалтерам, допустившим неправильную оплату «по отдельным командировкам». Гимном справедливости звучит пункт 2-й:

«Предложить бухгалтеру райисполкома Шуваловой В. Ф. сделать удержание с заработной платы тов. Бысько Г. И. незаконно начисленные командировочные в сумме 150 р. 39 к. к 1 мая 1962 года...»

Позвольте, а кто же такой этот второй Г. И. Бысько?

Так это сам председатель исполкома Табунского райсовета!

В прошлом году, отправляясь на курорт, он оформил себе командировку в Москву на выставку. Минуту павильоны выставки, председатель примехонько пока-тил на пляж.

К неудовольствию оборотистого курортника, справедливости восстановила краевая ревизионная комиссия. Вот и пришлось метать громы и молнии по своему собственному адресу.

В. РАЗГОНОВ

г. Барнаул.

Фантастическое однообразие

Фантастов увлекла межзвездная дорога.

Рассказов, повестей про космос пишут много.

А познакомься с той словесной массой —

Все авторы «летят» одной сюжетной трассой!

Игорь МАРТЬЯНОВ

г. Иваново.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ [М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ], С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ [ответственный секретарь], И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 00064. Изд. № 534. Подписано к печати 10/IV 1962 г.

Формат бум. 70×108¹/₈.

Тираж 1 500 000 экз. Заказ 1087.

1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда», Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

14 672

Крокодил получает много писем о том, что в ряде городов плохо работают бани, в них обычно бывают большие очереди.

НАШЕЛ ЗАПАСНЫЙ ВЫХОД...

— Уф, наконец-то помылся!

Рисунок И. СЕМЕНОВА

